

ныя предчувствія. Что же такое должно окопчаться для него? Для чьего траура раскинуть флеръ этой ночи? Неужели онъ долженъ овдовѣть еще разъ?

(Продолженіе будетъ.)

Литературное обозрѣніе.

(„Рус. Богатство“, „Миръ Божій“, „Жизнь“—январь).

Изъ всего, что появилось въ журналахъ за январь, по belletristikъ, наиболѣе заставляютъ думать два разсказа Чехова «Новая дача» и «По дѣламъ службы», два разсказа М. Горькаго: «Бакъ и Артемъ» и «Вирлика» и разсказъ Короленко «Смиренные».

Разсказъ «Новая дача» — вариация на старую тему сближенія культурныхъ людей съ народомъ. Инженеръ Кучеровъ строитъ дачу въ деревнѣ и желаетъ жить мирно съ сѣдскими крестьянами. Знакомство съ ними начинается его жена, добрая барыня, и начинается способомъ обычнымъ для добрыхъ баръ — благотворительностью. Она пріѣзжаетъ въ деревню, выбираетъ избу побѣднѣе и ни съ того ни съ сего даетъ хозяину, кузнецу Родіону, 3 рубля на дѣтей. Тогда и другіе крестьяне, не получившіе подачки, начинаютъ сѣдскія отношенія съ новой дачей способомъ, довольно обычнымъ для крестьянъ, въ отношенія господъ: ловятъ ихъ скотъ за поправу и вымогаютъ съ инженера пять рублей, которые и пропиваютъ. Возмущенный инженеръ, встрѣтивъ мужиковъ, говоритъ имъ: «Вашъ скотъ постоянно портитъ мои луга, пастухи, когда имъ говоришь, только грубятъ, а однако я васъ не притѣсню. Развѣ это по-сѣдски и т. д.» Говоритъ онъ это всѣмъ мужикамъ и знаетъ не хотѣть, что каж-

дый изъ нихъ — самъ по себѣ и что 5 р. съ него сорвали не всѣ мужики, а только двое изъ деревни. Между новой дачей и деревней начинаются враждебныя отношенія на почвѣ невниманія и безсознательнаго презрѣнія къ мужикамъ съ одной стороны и традиціонной подозрительности и враждебности съ другой. Добрая барыня, жена инженера, дѣлаетъ попытку сойтись съ деревней, попытку слабую и наивную, которая однако имѣетъ нѣкоторый успѣхъ, потому что идетъ отъ добраго сердца. Добродушный мужикъ Родіонъ говоритъ ей: «потерпи, барыня, годъ-другой; сразу нельзя, а тамъ все обойдется». Но инженера и жены его не хватаетъ на это и они бросаютъ дачу и бѣгутъ въ городъ, увѣренные въ своихъ прекрасныхъ качествахъ и черствомъ своекорыстныхъ мужиковъ.

Досадно смотрѣть на этихъ хорошихъ людей, которые хотѣли отъ мужиковъ неизвѣстно чего, стремились къ этому кой-какъ и убѣжали, когда ихъ попытки все-таки начали давать кой-какіе плоды.

И поучительно прочесть послѣ этого переводчикъ Библинъ въ «Мирѣ Божьемъ». Въ разсказѣ «На голодѣ» мы видимъ, какъ молодой англичанинъ, Скотъ, энергіей, терпѣніемъ, самоотверженной дѣятельностью сумѣлъ добиться любви и уваженія, сумѣлъ принести пользу народу, языка котораго онъ даже и не понималъ сначала. А русскій инженеръ не умѣетъ сдѣлать себя понятнымъ русскимъ мужикамъ.

Разсказъ «По дѣламъ службы» также — новая вариация на старую тему, параллель между народомъ и людьми культурнаго класса. Результатъ сравненія — не въ пользу послѣднихъ. Земскій страховый агентъ, изъ зашудалыхъ дворянъ, застрѣлился въ земской избѣ. На слѣдствіе пріѣзжаютъ докторъ и судебный слѣдователь. Первые слова доктора, когда онъ видитъ застрѣливаго, таковы: «Стрѣ-

ляться въ земской избѣ — какъ это безтактно! Пришла охота пустить себѣ пулю въ лобъ, ну, и стрѣлялся-бы у себя дома, гдѣ-нибудь въ сараѣ... Эти истерики и невращенныя большіе эгоисты, говорилъ докторъ съ горечью. Когда ему приходитъ охота стрѣляться, то вотъ онъ стрѣляется въ деревнѣ, въ земской избѣ, чтобы надѣлать всѣмъ побольше хлопотъ. Эти господа при всѣхъ обстоятельствахъ жизни думаютъ только о себѣ. Только о себѣ!» Такъ эгоистически брюзжитъ докторъ и ни на минуту не хочетъ подумать о душевной драмѣ застрѣливаго, съ которымъ былъ знакомъ. Не понимаетъ только сотскій, Лошадинъ, который разболтавшись со слѣдователемъ, говоритъ ему, что земскій агентъ, воспитанный въ обстановкѣ легкой и широкой старой барской жизни, не могъ вынести настоящаго своего низернаго состоянія. Этотъ сотскій, состарѣвшійся въ 20 лѣтъ бѣготни «по дѣламъ службы», сохранилъ столько душевной теплоты, что понимаетъ душевное состояніе чуждаго ему человѣка и думаетъ о немъ. Этими онъ выгодно отличается отъ доктора, черстватаго и рутиннаго «по дѣламъ службы».

Онъ выгодно отличается и отъ застрѣливаго, ибо тоже знаетъ когда-то широкую жизнь, но подъ ударами судьбы смирился, терпѣливо несетъ свой крестъ, сохраняетъ вѣру въ торжество справедливости и заботится не только о себѣ, но и о другихъ, въ отличіе отъ эгоистовъ, культурныхъ людей.

Такъ безпощадно осуждаетъ Чеховъ культурныхъ людей и даже мучи ихъ, доводящихъ ихъ до самоубійства, не смягчаютъ его приговора.

Ту же параллель между народомъ и интеллигенціей мы видимъ въ разсказѣ Короленко «Смиренные». Дѣйствующимъ лицомъ разсказа является Бухвостовъ, провинціальныи литераторъ, обличитель всякихъ тѣмныхъ явленій. Въ деревнѣ

онъ случайно наталкивается на такое явление и, по привычкѣ кого-нибудь обвинять, съ первой же минуты обвиняетъ деревню въ преступленіи. Однако, разсѣлдовавъ дѣло, Бухвостовъ убѣждается, что тамъ, гдѣ онъ видѣлъ эгоизмъ и жестокость, на самомъ дѣлѣ можно найти любовь, доходящую до самоотверженности. Деревня, посадившая на цѣпь человека, сознаетъ, что есть что-то въ этомъ фактѣ не согласное съ законами высшей правды. Бухвостовъ съ бѣшенствомъ видитъ, что деревня его подчиняетъ; онъ не хочетъ покориться, но протестъ его остается безплоднымъ. Такъ спасовалъ предъ деревней лучшій, повидимому, представитель интеллигенціи. Итакъ мы видимъ, что два самыхъ талантливыхъ представителя современной беллетристики сошлись въ своихъ воззрѣніяхъ на народъ и культурныхъ людей. Съ ними сходятся и третій талантливый писатель, недавно заявившій о себѣ читающей публикѣ, М. Горькій. Въ своемъ разсказѣ «Кирилка» онъ проводитъ также параллель между народомъ и культурными людьми и также не въ пользу послѣднихъ, а въ разсказѣ «Баннъ и Артемъ» доказываетъ, что мужикъ даже имѣетъ право быть эгоистомъ, ибо онъ заставляетъ другихъ служить ему не насильно, ему служатъ добровольно, а вслѣдствіе имѣетъ право дѣлать, что хочетъ.

Содержаніе разсказа «Кирилка», помѣщенного въ «Жизни» таково. Случайная компанія, состоящая изъ земскаго начальника, купца, псаломщика и интеллигента неопредѣленныхъ занятій, задержанная на берегу рѣки ледоходомъ, отъ скуки ожиданія заводитъ разговоръ о мужикѣ и въ четыре голоса озабоченно рѣшаетъ его судьбу. Учить его или погонять, а пока пороть? и что такое мужикъ? Земскій начальникъ говоритъ, что онъ распухшій; купецъ — что мужикъ не глухъ и на кривой его не об-

ѣдешь; псаломщикъ — что онъ Божья тварь, какъ всѣ, только обидѣлъ, лишившись надеждъ отъ неустройства жизни; интеллигентъ — что мужикъ голоденъ и исправится, если его накормить. Расходясь теоретически другъ съ другомъ во взглядахъ на мужика, вся компанія поступаетъ весьма согласно, проявляя практически полнѣйшее невниманіе къ мужику Кирилкѣ, который былъ тутъ же и разговоры компаніи о мужикѣ не слушалъ. Проголодавшаяся компанія беретъ у Кирилки, запасенный для себя кусокъ хлѣба, и съѣдаетъ его, раздѣливъ на четыре части между собою и совершенно забывъ о Кирилкѣ, который такъ и остается голоднымъ, когда компанія, съѣвъ хлѣбъ, уѣзжаетъ.

Мысль разсказа «Баннъ и Артемъ», помѣщенного въ «Мирѣ Божьемъ», сложна. Тема взята изъ быта босаконъ, описаніемъ котораго М. Горькій составилъ себѣ извѣстность.

Дѣйствіе происходитъ на Шиханѣ, въ извѣстности, гдѣ отложились городская голъ и рвань, разные забракованные люди, обиженные судьбою. Одинъ изъ нихъ поетъ о себѣ такъ: ой, горько мнѣ живется, плохо я удался! Тятюку съ братомъ повѣсилъ, а я оборвался!...

Люди, которые съ такой горечью говорятъ о себѣ, не шатаются и другихъ; имъ приятно обидѣть ближняго и они умѣютъ дѣлать это, потому что только такъ они могутъ истить за себя.

Среди этихъ людей двое, Баннъ и Артемъ, ведутъ образъ жизни противоположный одинъ другому.

Банна всѣ обижать, онъ же всѣхъ боится. Но, травя еврея, шиханская голъ, среди которой Баннъ промышляетъ грошовою торговлей и ростовщичествомъ, въ то же время кормитъ еврея, отъ котораго единовѣрцы отвернулись съ презрѣніемъ. Иногда даже жалѣетъ немножко, насколько могутъ жалѣть люди, сат-

равленные судьбою, которыхъ самихъ никто не жалѣетъ.

Артема не только никто не травитъ, но онъ самъ иногда всѣхъ обижаетъ. Живетъ онъ своей красотой и здоровьемъ, потому что шиханскія бабы изануски добиваются его ласки и, перебивая другъ у друга, покупаютъ Артема. Ему нѣтъ надобности навязывать себя, какъ Банну своей товарью; къ Артему покупатели сами идутъ и онъ продаетъ себя, презирая тѣхъ, кто его покупаетъ.

Однажды ревнивые мужья и соперники избиваютъ Артема до полусмерти. Баннъ ухаживаетъ за нимъ и въ благодарность Артемъ, выздоровѣвъ, беретъ Банна подъ свою защиту. Теперь никто не смѣетъ ни обидѣть Банна, ни ограбить его, какъ бывало прежде; за то теперь его начинаютъ ненавидѣть, чего не было прежде, когда вся сила Банна состояла въ его слабости и робости, внушавшей чувство сожачія къ еврею даже тѣмъ, кто его грабилъ на улицѣ.

Этотъ неестественный союзъ силы, презирающей всѣхъ и ненавидимый многими, и слабости, презираемой всѣми и внушающей всѣмъ чувство жалости, скоро прекратился: Артемъ сказалъ Банну, чтобы онъ жилъ самъ по себѣ, потому что Артему не подходитъ жить динне!

Мысль разсказа — это проповѣдь любви къ человеческой личности. Каждый долженъ жить тѣмъ, что дала ему природа, каждый долженъ быть самъ по себѣ. Разъ человекъ исполняетъ этотъ законъ, М. Горькій оправдываетъ его, живетъ ли онъ между людьми, называясь черномъ, какъ Баннъ, или идеть, какъ былъ, тонча всѣхъ, кто попадаетъ ему на дорогѣ, какъ красавецъ — богатырь и задира Артемъ.

В. С.